

РАЗДЕЛ I. ИСТОРИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ РАЗВИТИЯ
ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА

SECTION I. HISTORICAL ASPECTS OF THE DEVELOPMENT
OF HUMAN CAPITAL

УДК: 94(47) «1941/1945»

DOI: 10.25629/НС.2022.12.01

ЗАПАДНАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ
В КОНТЕКСТЕ ИНФОРМАЦИОННОЙ ВОЙНЫ ПРОТИВ
СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Федоров К.В., Суздалева Т.Р.

Московский государственный технический университет им. Н.Э. Баумана

Аннотация. В статье содержится аргументированная критика современной западной историографии Великой Отечественной войны в контексте информационной войны против России. На основе анализа работ английских и американских историков авторы аргументировано доказывают, что историки США и Великобритании не просто допускают некоторые неточности в освещении событий, но сознательно искажают факты, стремясь поставить под сомнение решающий вклад народов Советского Союза в победу над германским фашизмом. С этой целью фальсификаторы истории активно используют апробированные со времен холодной войны приемы: замалчивание и субъективную интерпретацию исторических фактов, бездоказательные обвинения в адрес СССР, игнорирование работ российских историков. В статье делается вывод о том, что роль западной историографии заключается в создании псевдонаучной основы для пропагандистской кампании, направленной на подмену исторической правды антироссийскими идеологическими клише, чтобы обеспечить манипулирование массовым сознанием и политическим поведением людей.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, историческая память, историография, фальсификации, информационная война, советско-германский пакт о ненападении, Сталинградская битва, сражение на Курской дуге, вклад СССР в победу над германским фашизмом.

Историческая память – не просто хранилище информации о фактах, именах и событиях. Она тесно связана с нравственным здоровьем нации. Пренебрежение уроками прошлого, равнодушие к подвигам предков – тревожные симптомы коллективной амнезии, ведущей к стиранию грани между добром и злом в общественном сознании, потере нравственных ориентиров, утрате национальной идентичности. Отказ от признания исторической правды является признаком варваризации общества, его культурной деградации. Одним из основных индикаторов, высвечивающих уровень коллективной и индивидуальной нравственности в современных условиях, является отношение к победе над германским фашизмом.

Неудивительно, что переформатирование массового сознания в странах НАТО и Восточной Европы в русофобском духе неразрывно связано с пересмотром итогов Второй мировой войны и возрождением нацизма. На протяжении многих лет власти Украины, Эстонии, Литвы, Латвии и других враждебных России стран, стремятся вытравить из памяти своих граждан чувство благодарности по отношению к советским воинам-освободителям. Правительства этих стран не просто оправдывают, а героизируют националистов, сотрудничавших в годы

Второй мировой войны с немецкими оккупантами, и открыто покровительствуют их последователям. Особенно усердствуют в надругательстве над памятью о победе советского народа в Великой Отечественной войне украинские неонацисты, захватившие власть в стране в результате кровавого государственного переворота 2014 г. При прямом покровительстве коллективного Запада киевский режим превратил Украину в плацдарм для подготовки агрессии против России. Денацификация Украины наряду с ее нейтрализацией и демилитаризацией объявлена главной целью специальной военной операции России, начавшейся 24 февраля 2022 г.

После начала специальной военной операции по освобождению Донбасса атаки на историческую память приняли особенно циничный характер. В апреле 2022 г. в Харькове неонацисты надругались над бронзовым бюстом маршала победы Г.К. Жукова. В июне городской совет Вильнюса принял решение о ликвидации памятника на Антакальнисском кладбище советским и литовским воинам, погибшим в 1944 г. при освобождении Вильнюса. 16 августа 2022 г. по решению эстонских властей в Нарве был снят с постаменты легендарный танк Т-34. В конце августа лишь вмешательство Комитета по правам человека ООН приостановило начавшееся разрушение мемориала Воинам-освободителям в Риге.

Признание решающей роли Советского Союза в освобождении народов Европы от фашистского ига в корне противоречит целям информационной войны против России, развязанной враждебными ей странами. Фальсификация истории Второй мировой войны правительствами этих стран возведена на уровень государственной политики. Потоки лжи, затопившие медиапространство, вынуждают руководство РФ принимать действенные меры по защите чести, достоинства и памяти советских людей, отдавших жизнь за освобождение своей Родины и народов Европы от германского фашизма. Статья 67.1 Конституции РФ гласит: «Российская Федерация чтит память защитников Отечества, обеспечивает защиту исторической правды. Умаление значения подвига народа при защите Отечества не допускается». В апреле 2020 г. Президент РФ подписал закон, предусматривающий уголовные наказания за уничтожение либо повреждение воинских захоронений, а также памятников, стел, обелисков, других мемориальных сооружений или объектов, увековечивающих память погибших при защите Отечества или посвященных дням воинской славы России.

Цель данной статьи – разоблачить фальсификации западной историографии Великой Отечественной войны в контексте современной информационной войны против России на примере публикаций современных американских и британских историков.

Истории Второй мировой войны на Западе посвящена огромная литература, но по справедливому замечанию американского историка Дэвида Гланца, в этом океане трудно найти глубокие научные исследования, посвященные войне на Восточном фронте. Считающийся крупнейшим специалистом в США в данной области автор признает, несмотря на громадный масштаб и глобальное значение Великой Отечественной войны Советского Союза, она до сих пор остается в значительной мере неизвестной и непонятной для жителей стран Запада. «Скудость информации о советско-германской войне, доходящей до англоязычного читателя, - сетует Д. Гланц, - подкрепила естественную склонность американцев (и западноевропейцев) рассматривать ее как всего лишь фон для более драматических и значительных сражений на западном театре военных действий — таких как битва при Эль-Аламейне, высадки в Салерно, Анцио и в Нормандии, сражения за Арденны» [9, С.7].

О справедливости вывода Д. Гланца свидетельствует книга Герхарда Вайнберга «Мир на войне. Глобальная история Второй мировой войны», вышедшая в свет в 1995 г. [25]. Хотя автор соглашается с тем, что с 22 июня 1941 г. до конца войны в Европе в мае 1945 года большинство боевых действий происходило на Восточном фронте, где сражалось и погибло больше людей, чем на всех других фронтах войны по всему миру вместе взятых, главное внимание он сосредоточивает на описании второстепенных театров военных действий. Американский профессор на 17 страницах пространно описывает военные действия союзников в Северной Африке в 1942 г., в то время как Сталинградской битве отведено только 8,5 страниц, а

битве на Курской дуге – лишь 2,5 страницы. В объемистой монографии, изобилующей глубокомысленными рассуждениями о ходе войны на глобальном пространстве от Тихого океана до Атлантики, по существу, растворяется главная роль СССР в разгроме фашистской Германии.

Однако вину за такой «несбалансированный взгляд» Д. Гланц возлагает на советских и российских историков, которые, якобы, оказались неспособны снабдить западных (и российских) читателей и исследователей достоверными сведениями о войне. По его словам, «идеология, политические мотивации и стойкие предубеждения, порожденные «холодной войной», сошлись воедино, препятствуя работе и искажая восприятие многих советских и российских историков». В результате, утверждает американский историк, «предъявленный обществу фасад советской историографии был в лучшем случае частично достоверным, а в худшем представлял собой комбинацию полуправды полулжи» [8, С.8, 391]. Схожего мнения придерживается маститый британский историк Джеффри Хоскинг, который объясняет невниманье к военным действиям на Восточном фронте тем, что «для человека с Запада очень трудно писать о советско-германской войне 1941–45 гг.». Он считает, что эти трудности объясняются спецификой советской литературы о войне. Такого количества материалов, пишет Хоскинг, нет ни по одному другому периоду советской истории, однако большинство из них «либо однообразно героические», либо отражают субъективный взгляд авторов и время, когда они были опубликованы. Лишь в последние годы, по мнению Хоскинга, у российских историков появилась возможность более беспристрастно описывать события [22, Р. 491].

С подобными утверждениями можно согласиться лишь отчасти. Ведь даже в самые трудные времена, несмотря на партийную цензуру, скрыть правду было невозможно, потому что в каждой советской семье были люди, воевавшие на фронтах Великой Отечественной, испытывавшие фашистский «новый порядок» на оккупированных территориях, выжившие в аду гитлеровских концлагерей. Их свидетельства передавались из поколения в поколение, сформировав отношение россиян к минувшей войне как к национальной святыне. В этой связи уместно вспомнить слова В.В. Путина: «Мы отстаиваем подлинную, не приглаженную или отлакированную правду о войне. Эту народную, человеческую правду – суровую, горькую и беспощадную – во многом передали нам писатели и поэты, прошедшие через огонь и ад фронтовых испытаний. Для моего, как и для других поколений - их честные, глубокие повести, романы, пронзительная "лейтенантская проза" и стихи навсегда оставили след в душе. Стали завещанием – чтить ветеранов, сделавших для победы все, что могли. Помнить о тех, кто остался на полях сражений» [1].

Одним из главных направлений информационной атаки против России является фальсификация внешней политики СССР накануне Второй мировой войны. Многие историки и политики как на Западе, так и в некоторых бывших советских республиках в своих книгах и публичных выступлениях пытаются навязать общественности тезис о «равной ответственности» Германии и СССР за развязывание Второй мировой войны. Одновременно делаются попытки реабилитировать политику умиротворения фашистских агрессоров, проводившуюся правительствами западных стран в 1930-е годы [Подробнее см.: 16].

Особенно яростным нападкам подвергается советско-германский пакт о ненападении от 23 августа 1939 г. В западной историографии со времен холодной войны утвердилось мнение, согласно которому, заключив пакт с Гитлером, Сталин отдал ему на растерзание Польшу и направил фашистскую агрессию на Запад. Этот тезис в различных вариациях повторяется современными зарубежными авторами. Так, член Британской академии, профессор Ричард Эванс пишет: «...Для этого соглашения у обеих сторон были веские причины. С точки зрения Гитлера, оно было необходимо для обеспечения согласия Советов на немецкое вторжение в Польшу. В противном случае крайне отчетливой становилась возможность кошмарного сценария с вторжением, перерастающим в европейскую войну на двух фронтах. Для Сталина оно давало отсрочку и открывало заманчивые перспективы масштабной войны между двумя европейскими капиталистическими державами вплоть до их взаимного уничтожения» [19, С.750]. Другой английский историк Роджер Мурхауз называет договор между СССР и Германией «дьявольским союзом», который привел к началу войны, изолировал Польшу, оставив ее

между двумя враждебными соседями и подорвал усилия западных держав воспрепятствовать Гитлеру [24, Р.16–17]. Аналогичная интерпретация советско-германского пакта 1939 г. содержится в книге Макса Хейстингса «Вторая мировая война. Ад на земле». «С 23 августа, – пишет британский военный историк, – мир наблюдал, как Третий рейх и СССР действуют заодно – два близнеца, два лика тоталитаризма» [17, С.14].

Эти обвинения абсолютно беспочвенны. К нападению на Польшу Гитлера подтолкнул не советско-германский пакт, а бездействие западных держав, которые вплоть до начала Второй мировой войны искали соглашения с Германией. Правительства Н. Чемберлена и Э. Даладе до последнего надеялись на то, что, покончив с Польшей, Гитлер нападет на Советский Союз. Именно поэтому в сентябре 1939 г. Англия и Франция, формально объявив войну Германии, не предпринимали активных действий, равнодушно наблюдая за тем, как вермахт громит Польшу.

Западные историки на словах вроде бы признают решающий вклад СССР в разгром германского фашизма, но фактически стремятся его преуменьшить. М. Хейстингс описывает перелом в ходе Второй мировой войны следующим образом: «Те, кому суждено было дожить до второй половины 1942 г., увидели поворотный момент в войне, когда продвижение японцев в регионе Тихого океана было остановлено, а немцы увязли под Сталинградом и в Северной Африке» [17, С.331]. Таким образом, грандиозная Сталинградская битва, положившая начало коренному перелому в ходе Великой Отечественной и Второй мировой войны, фактически приравнивается к сражениям у атолла Мидуэй (июнь 1942 г.) и при Эль-Аламейне (июль и октябрь-ноябрь 1942 г.).

На самом деле Тихий океан и Северная Африка являлись второстепенными театрами военных действий Второй мировой. Судьба не только России, но и всего человечества решалась на Восточном фронте. Нелишне напомнить, что в беспрецедентной по своим масштабам и жестокости Сталинградской битве с 17 июля 1942 г. по 2 февраля 1943 г., армии фашистского блока потеряли около 25% сил, действовавших на советско-германском фронте. До 1,5 млн солдат и офицеров противника (с учетом потерь в ВВС) были убиты, ранены или взяты в плен. Это было такое поражение, какого враг не испытывал с начала Второй мировой войны [4, С. 421]. Для сравнения: потери Японии в битве за Мидуэй составили 3057 человек, США – 307 человек. Президент США Ф. Рузвельт, поздравляя И.В. Сталина с победой на Волге, назвал Сталинградскую битву эпической [15, с.51-52]. Премьер-министр Великобритании У. Черчилль в своих воспоминаниях выражал восхищение «великолепной борьбой и решающей победой русских армий» в Сталинграде [18, С.560–561].

Американские и западноевропейские авторы любят рассуждать о просчетах советского командования и поражениях Красной армии. Например, военный обозреватель газеты «Нью-Йорк таймс» Хэнсон Болдуин утверждает, что в Сталинграде «русские были медлительны и слишком негибкими, чтобы воспользоваться появившимися возможностями; их стратегия оказалась далеко не блестящей, они просто медленно и тяжело разрабатывали ошибки немцев...» По его словам, «в первых боях за Сталинград в сентябре – октябре коммунисты сражались числом, а не умением» [3, С.234]. Характерна в этом смысле книга Д. Гланца «Крупнейшее поражение Жукова. Катастрофа Красной армии в операции «Марс». Автор пишет: «Сами названия «Москва», «Сталинград», «Курск», «Белоруссия» и «Берлин» прочно ассоциируются с грандиозными победами советских войск. Но эти же величественные победоносные битвы, в свою очередь, искажают историю войны на Восточном фронте, затеняя многие неудачи и поражения, которыми совершенно естественно перемежался марш Красной армии к окончательной победе и славе. Точно так же эти великие победы превозносят заслуги военачальников, доводя их почти до сверхчеловеческих масштабов, заставляя читателей забыть о том, что, по сути дела эти полководцы – человеческие существа, которым, как и всем людям, свойственно ошибаться» [8, С.28].

В книге Д. Гланца Г.К. Жуков предстает перед читателем, упрямым и жестоким, не жалеющим своих солдат военачальником. Невольно вспоминаются строки Шота Руставели: «Каждый мнит себя стратегом, видя бой со стороны». Более весомым является мнение о Г.К. Жукове Верховного главнокомандующего вооруженными силами западных союзников в Европе

в Европе в 1944–1945 гг. американского генерала Дуайта Эйзенхауэра: «В силу своего особого положения в Красной Армии он как ответственный руководитель в крупных сражениях за несколько лет войны получил больший опыт, чем любой другой военный нашего времени. Его обычно направляли на тот участок фронта, который в данный момент представлялся решающим. По его оценке, состава войск, местности, на которой они сражались, и причин, побуждающих его принять то или иное решение, было ясно, что это опытный солдат» [21, С.521].

В англо-американской литературе зачастую отсутствует грань, отделяющая защитников Родины от тех, кто пришел в Россию сеять смерть и разрушения. Подвергая резкой критике действия Г.К. Жукова, Д. Гланц высоко оценивает действия полководцев вермахта В. Моделя и Э. Манштейна. Американский историк с плохо скрываемым восхищением пишет о «героизме» гитлеровцев. Он так описывает один из эпизодов Ржевской битвы: «Героические действия маленькой боевой группы Штейгера... олицетворяли упорство немецких солдат...» [8, С.239]. В то же время он не упускает случая, чтобы упомянуть о низком боевом духе в советских войсках и пьянстве среди солдат и офицеров [8, С.271, 373].

В отличие от многих других западных авторов маститый британский историк Ричард Эванс: большую часть своей книги посвятил военным действиям на Восточном фронте. Он признает, что поражение вермахта в Сталинградской битве стало «решающим поворотным пунктом всей войны на Востоке» [20, С.524]. Но в описании событий лета 1943 г. он доходит до абсурда. По мнению Р. Эванса, некомпетентность советского командования во время битвы на Курской дуге привела к фатальным ошибкам. Сражение под Прохоровкой он называет «долгоживущей легендой» о «величайшей танковой битве в истории». «На самом деле, – рассуждает Р. Эванс, – это сражение представляло одно из наиболее катастрофических в военной истории поражений. Советские войска потеряли в общей сложности 235 танков; германские войска – 3 танка». Оказывается, «немецкие танки ушли с поля боя, выполняя отданный Гитлером приказ о передислокации» [20, С.530-531].

Чтобы опровергнуть это утверждение, лучше всего привести свидетельство участника сражения у Прохоровки, немецкого унтерштурмфюрера СС: «Началось неслыханное танковое сражение. Повсюду грохотали пушки, горели танки, в воздухе летали стальные осколки. Пахло нефтью и гарью, над полем боя висело густое дымное облако, время от времени заслоняя от нас происходящее. Это был настоящий ад» [2, С.178-179]. Немецкий танковый стратег Г. Гудериан впоследствии вспоминал: «В результате провала наступления «Цитадель» мы потерпели решительное поражение. Бронетанковые войска, пополненные с таким большим трудом, из-за таких больших потерь в людях и технике на долгое время были выведены из строя. <...> Само собой, разумеется, русские поспешили использовать свой успех. И уже больше на Восточном фронте не было спокойных дней. Инициатива полностью перешла к противнику» [10, С.431].

Далее следует еще одно «научное открытие» Р. Эванса: «Быстрое ухудшение ситуации в регионе Средиземного моря и прежде всего высадка союзников на Сицилии 10 июля 1943 г. привели германского фюрера к необходимости немедленного отвода основных сил с Восточного фронта». Следовательно, по мнению британского профессора, исход битвы на Курской дуге решила... сицилийская операция союзников, ведь «теперь Германия воевала на два фронта» [20, С.531]. В действительности высадка союзников на юге Италии не внесла принципиальных изменений в соотношение сил на Восточном фронте. С начала Великой Отечественной войны до середины 1944 г. на советско-германском фронте вели боевые операции около 75% от общего состава действовавших вооруженных сил фашистской Германии, в то время как в Северной Африке и Италии участвовало лишь от 1 до 6%. За этот период 93% общую потерю немецкие войска понесли в боях с Красной армией [6, С.57]. Даже после высадки англо-американских войск в Нормандии в июне 1944 г. Восточный фронт оставался главным. Этот бесспорный факт не мешает западным историкам заявлять, что именно операция «Оверлорд» явилась поворотным пунктом в ходе войны. Например, Х. Болдуин так оценил это событие: «Высадка сил союзников во Франции стала эмоциональной и стратегической кульминацией Второй мировой войны» [3, С.323].

Американских и западноевропейских историков объединяет формальный подход к истории Великой Отечественной войны. Респектабельные профессора хладнокровно рассуждают о трагедии Красной Армии в первые месяцы войны и огромных жертвах, принесенных советским народом на алтарь Победы. Создается впечатление, что для них – это не более, чем статистика. Г. Вайнберг настойчиво проводит в своей книге мысль том, что в начале войны Советский Союз расплачивался за те трудности, которые создал себе сам [25, Р. 278–279]. Он игнорирует тот факт, что нашей стране противостоял смертельно опасный враг, разгромивший Польшу за две недели, а Францию – за 40 дней и сосредоточивший для нападения на СССР чудовищную силу. Остается только сожалеть о том, что маститым западным профессорам чужды чувства сострадания и восхищения героизмом советских солдат и офицеров, которые в тяжелейших, часто безнадежных ситуациях стояли насмерть и погибали, защищая свою Родину.

Апробированным еще во времена холодной войны оружием информационной войны является концепция тоталитаризма, которая отождествляет нацистскую Германию и сталинский режим в СССР. Поэтому Великую Отечественную войну на Западе пытаются представить как противоборство двух диктаторов. Типичным для западной литературы является заявление М. Хейстингса о том, что «многие подданные Сталина воспользовались немецким нашествием для того, чтобы выступить с оружием в руках против ненавистного кремлевского режима» [17, С.9]. Еще дальше зашел германский историк и философ Эрнст Нольте, который пытается внушить читателю, что преступления сталинизма против собственного народа превосходили преступления нацизма. А неудачи Красной армии в первые месяцы войны, он связывает с тем, что «население с каждым днем все больше приветствовало продвижение немецких войск» [14, С.390–391, 395]. По справедливому замечанию швейцарского журналиста и общественного деятеля Ги Меттана, советские граждане, особенно русские, понесшие наибольшие потери в войне, имеют все основания считать подобные рассуждения оскорбительными [13, С.292].

Ненависть к СССР, антикоммунизм и русофобия сближали западные правительства и нацизм. Освобождение народов Восточной и Юго-Восточной Европы от фашистского ига преподносится как замена германской оккупации советской. Характерно, что, описывая военные действия Советской армии в Польше, Румынии, Болгарии в 1944–1945 гг., Г. Вайнберг постоянно использует выражение «оккупация», а не освобождение. Он, голословно утверждает, что продвижение Красной Армии в Германию, сопровождалось убийствами и изнасилованиями, «великодушно» оговариваясь, что многие советские солдаты и офицеры в них не участвовали. [25, Р.786]. Британский автор Р. Колли в своем очень кратком обзоре военных событий не забыл упомянуть о якобы совершенных в Германии советскими солдатами «зверствах, в том числе изнасилованиях, а также убийствах женщин, детей и стариков», хотя объясняет «ярость Красной армии» тем, что советские солдаты встречали на своем пути лагеря смерти и бесчисленные свидетельства варварства нацистов [12, С.41–42]. В то же время на Западе не любят вспоминать о многочисленных случаях изнасилований, грабежей, мародерства на германских территориях, занятых союзниками. Особенно «отличались» в этом отношении американцы. В армии США, где после вступления на территорию Германии резко возросло число изнасилований, за это преступление и за убийства были казнены 69 человек [5, С. 678].

Разного рода негативные явления в частях наступающей Красной армии имели место. Они тщательно фиксировались, пресекались и строго наказывались. По данным военной прокуратуры, в первые месяцы 1945 г. за совершенные преступления по отношению к местному населению было осуждено военными трибуналами 4148 офицеров и большое количество рядовых. Несколько показательных судебных процессов над военнослужащими завершились вынесением смертных приговоров виновным. Впрочем, виновными в подобном поведении были в основном тыловики и обозники. Солдаты и офицеры боевых частей добывали фашистского зверя в его логове. Их ненависть к врагу и жажда возмездия за совершенные нацистами преступления на родной земле выплескивалась на вооруженного врага. [5, С. 674]. Следует отметить, что многие солдаты и офицеры сами решительно боролись с проявлениями насилия. Один из таких случаев описан в романе «Берег» писателя-фронтовика Ю. В. Бондарева. В це-

лом в ходе освободительной миссии Красной армии в Европе проявились такие качества характера советского воина, как гуманизм и сострадание к пострадавшим народам, великодушие по отношению к мирному населению побежденной Германии.

Наша страна заплатила высокую цену за свободу народов Европы. Потери Советской Армии во время военных действий в Европе составили 4 млн человек, из которых почти 1,1 млн – безвозвратные потери. При изгнании оккупантов из Польши погибло свыше 600 тыс. советских военнослужащих, Чехословакии – 140 тыс., Венгрии – 140 тыс., Германии – почти 102 тыс., Румынии – около 70 тыс. [5, С.757]. Однако европейские политики предпочитают предать забвению подвиг народов Советского Союза. А ведь не так давно в мае 2015 г. во время празднования 70-летия Победы бывший канцлер ФРГ А. Меркель признавала: «...Вторая мировая война исходила от национал-социалистической Германии, и мы, Германия, несём на себе за это ответственность. Это наша историческая ответственность, и мы постоянно будем об этом напоминать, о том, что по нашей вине потеряли жизни миллионы людей, и что Красная армия сыграла решающую роль в освобождении Германии» [11].

Западным авторам свойственно непонимание того, что история Великой Отечественной война в массовом сознании россиян неразрывно связана с их собственной судьбой, поскольку практически каждая советская семья потеряла в войне против фашистской Германии своих родных и близких. Вот как глубокомысленно рассуждает об этом С. Ловелл в своей книге «Тень войны: Россия и СССР с 1941 г. до настоящего времени»: «Патриотическая гордость по поводу принесенных жертв, ценой которых была освобождена Европа... довольно быстро перешла из плоскости психологии в спонсируемую государством ортодоксию. Начало XXI в. было отмечено возрождением культа Второй мировой войны, который сопровождался резкой враждебностью по отношению к любым попыткам описывать не слишком славные ее стороны» [23, Р.11–12]. Подобные «умозаключения» иначе как циничными назвать нельзя.

Подводя итоги, необходимо подчеркнуть, что историки США и Великобритании не просто допускают отдельные неточности, а намеренно искажают подлинную историю Второй мировой войны. Западная историография выступает в качестве своеобразного «подносчика снарядов» для тяжелой артиллерии в информационной войне против России. Она создает псевдонаучную основу для пропагандистской кампании, направленной на подмену исторической правды антироссийскими идеологическими клише, чтобы обеспечить манипулирование массовым сознанием и политическим поведением людей. С этой целью зарубежные историки широко используют апробированные со времен холодной войны приемы: замалчивание и субъективную интерпретацию исторических фактов, бездоказательные обвинения в адрес СССР, игнорирование трудов российских историков. Следует признать, что западная пропаганда в значительной степени достигает своей цели. Последний опрос на платформе Reddit в Германии и странах антигитлеровской коалиции свидетельствует, что большинство опрошенных в этих странах главными победителями нацистов считают американцев, а британцы – и вовсе только себя. По отдельным странам результаты выглядят следующим образом. Великобритания: 50% – британцы, 13% – русские, 9% – американцы. США: 47% – американцы, 12% – русские, 9% – британцы. Франция: 56% – американцы, 15% – русские, 11% – британцы. Германия: 34% – американцы, 22% – русские, 7% – британцы [7].

В России иное отношение к истории Второй мировой войны. Образ Победы в историческом сознании россиян начинает формироваться с детских лет, когда они слушают семейные истории о подвигах своих дедов и прадедов, знакомятся с их фронтовыми письмами и боевыми наградами, хранящимися в каждом доме, посещают музеи и воинские мемориалы. Важную роль в приобретении системных знаний о войне играет изучение истории в учебных заведениях. Субъектами, формирующими образ Победы, выступают также различные институты государства и гражданского общества в Российской Федерации, которые активно занимаются патриотическим воспитанием молодежи. В современной ситуации особая ответственность за создание правдивой истории Великой Отечественной войны ложится на ученых-историков.

Библиография

1. Путин В.В. 75 лет Великой Победы: общая ответственность перед историей и будущим / В.В. Путин // Российская газета. – 2020. – 19 июня.
2. Аакен фон В. «Ведьмин котел» на Восточном фронте. Решающие сражения Второй мировой войны. 1941–1945 / Аакен В. фон ; пер. с нем. Игоревский Л. А. - М.: Центрполиграф, 2010.
3. Болдуин Х. Сражения выигранные и проигранные. Новый взгляд на крупные военные кампании Второй мировой войны : пер. с англ. / Болдуин Х. ; пер. Павлов А. Н. - М. : Центрполиграф, 2002.
4. Великая Отечественная война 1941–1945 годов. В 12 т. Т. 3. Битвы и сражения, изменившие ход войны. – М.: Кучково поле, 2012.
5. Великая Отечественная война 1941–1945 годов. В 12 т. Т. 5. Победный финал. Завершающие операции Великой Отечественной войны в Европе. Война с Японией. – М.: Кучково поле, 2013.
6. Великая Отечественная война 1941–1945 годов. В 12 т. Т. 12. Итоги и уроки войны. – М.: Кучково поле, 2015.
7. Винокуров В. Провалы в памяти приводят к войне против памятников. Как бороться с лжецами и осквернителями праха // Независимая газета. – 2022. – 29 сентября.
8. Гланц Д. Крупнейшее поражение Жукова. Катастрофа Красной Армии в операции «Марс» 1942 г. : пер. с англ. / Гланц Д. ; авт. предисл. Исаев А. В. ; пер. Сапцина У. В. - М.: АСТ: Астрель, 2007.
9. Гланц Д. Советское военное чудо. Возрождение Красной армии. 1941–1943. – М.: Яуза – ЭКСМО, 2008.
10. Гудериан Г. Воспоминания солдата : пер. с нем / Гудериан Г. - Смоленск : Русич, 1999.
11. Заявления для прессы и ответы на вопросы журналистов по итогам встречи с Федеральным канцлером Германии Ангелой Меркель 10 мая 2015 г. (Электронный ресурс) // URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/49455> (Дата обращения: 27.09.2022).
12. Колли Р. Вторая мировая война / Р. Колли : пер с англ. – М.: «Азбука-Аттикус», 2011.
13. Меттан Г. Запад – Россия: тысячелетняя война / Ги Меттан; [перевод Мария Анненская, Светлана Булгакова]. – М.: Паулсен, 2016.
14. Нольте Э. Европейская гражданская война (1917–1945). Национал-социализм и большевизм / Эрнст Нольте; [Пер. с нем. А. Антоновский и др.]. - М.: Логос, 2003.
15. Переписка Председателя Совета Министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. В 2-х т. Изд. 2-е. Т.2. Переписка с Ф. Рузвельтом и Г. Трумэнном. (Авг. 1941 – дек. 1945 г.). – М.: Политиздат, 1976.
16. Федоров К.В. Суздалева Т.Р. Фальсификация истории Великой Отечественной войны как направление информационной войны против современной России // Противодействие фальсификации истории Великой Отечественной войны. – М.: Научно-исследовательский центр национальной безопасности, 2020. С. 30–44.
17. Хейстингс М. Вторая мировая война. Ад на земле / Макс Хейстингс ; пер. с англ. [Любовь Сумм]. – М.: Альпина нон-фикшн, 2015.
18. Черчилль У. Вторая мировая война : в 3 кн. : Сокращенный пер. с англ. / Черчилль У. ; ред. Орлов А. С. Кн. 2. Т.3-4. М.: Воениздат, 1991.
19. Эванс Р. Третий рейх. Дни триумфа: 1933–1939 / Ричард Эванс; пер с англ. Б. Кобрицова и А. Галактионова. – Екатеринбург: У-Фактория; М.: Астрель, 2010.
20. Эванс Р. Третий рейх. Дни войны. 1939–1945 / Ричард Эванс; пер. с англ. А. Л. Уткина. – Екатеринбург: У-Фактория; М.: Астрель, 2011.

21. Эйзенхауэр Д. Крестовый поход в Европу : Воен. мемуары / Дуайт Эйзенхауэр; Перевод с англ. Е. М. Федотова. - М.: Воениздат, 1980.

22. Hosking G. Russia and the Russians: a history / Geoffrey Hosking. – 2nd ed. – Harvard University Press. Cambridge, 2011.

23. Lovell S. The shadow of war: Russia and the USSR, 1941 to the present / S. Lovell. – Chichester (West Sussex, U. K.); Malden (Mass.): Wiley-Blackwell, 2010.

24. Moorhouse R. The Devils Alliance: Hitler's Pact with Stalin, 1939–1941 / R. Moorhouse. – N.Y., Basic Books, 2014, 432 p.

25. Weinberg Gerhard L. A World at Arms. A Global History of World War II. / Gerhard L. Weinberg. - Oxford University Press, 1995.

WESTERN HISTORIOGRAPHY OF THE GREAT PATRIOTIC WAR IN THE CONTEXT OF THE INFORMATION WAR AGAINST MODERN RUSSIA

Fedorov K.V., Suzdaleva T.R.

Bauman Moscow State Technical University

Abstract. The paper contains a reasoned criticism of the modern Western historiography of the Great Patriotic War in the context of the information war against Russia. Based on the analysis of the works of English and American historians, the authors prove that the historians of the United States and Great Britain not only admit some errors in the coverage of events, but consciously distort the facts, trying to cast doubt on the decisive contribution of the peoples of the Soviet Union to the victory over German fascism. For this purpose, forgers of history actively use techniques proven since the Cold War: silence and subjective interpretation of historical facts, unsubstantiated accusations against the USSR, ignoring the works of Russian historians. The paper concludes that the role of Western historiography is to create a pseudoscientific basis for a propaganda campaign aimed at replacing historical truth with anti-Russian ideological clichés in order to ensure the manipulation of mass consciousness and political behavior of people.

Keywords: the Great Patriotic War, historical memory, historiography, falsifications, information war, the Soviet-German non-aggression pact, the Battle of Stalingrad, the Battle of Kursk, the contribution of the USSR to the victory over German fascism.